

ББК Ю3в05
УДК 87.7

К.В. Султанов, А. А. Грякалов, А.С. Степанова, М.Л. Лезгина, С.А. Мартынова

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ (ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ)•

Рассмотрены эпистемологические и ценностные характеристики современной философской мысли. Актуализирована проблема неопределенности как общего фона рефлексии. Показаны продуктивные действия отечественной философской мысли в плане становлении философии события.

Ключевые слова:

воображаемое, ментальность, неопределенность, рефлексия, современность, топология, эпистемология

Султанов К.В., Грякалов А. А., Степанова А.С., Лезгина М.Л., Мартынова С.А. Феномен современности в пространстве философской рефлексии (эпистемологические и ценностные аспекты) // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 3. – С. 3–7.

- © Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru
- © Грякалов Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: alexalgr@mail.ru
- © Степанова Анна Сергеевна – доктор философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: A-Step@mail.ru
- © Лезгина Марина Львовна – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: lezgina@mail.ru
- © Мартынова Светлана Александровна – старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: svetlanus.martinova@yandex.ru

Анализ ответов ведущих направлений европейской и отечественной мысли на вызовы глобального мира предполагает определение основных философских позиций и самого феномена современности. При возрастающем интересе к феномену идеологии, кризисе и столкновении идей речь идёт именно о понимании: важна *идео-логика современности* – возникновение и циркуляция идей в более или менее едином интеллектуальном пространстве. При этом единство следует понимать во множественности стратегий определения и различных характеристиках целостности – здесь есть соответствующие иссле-

дования [4, 25–27; 5]. Однако в настоящее время требуется обратиться пристальное внимание на эпистемологические и ценностные ориентиры рефлексии современности, что предполагает работу осмысления действительности, которую ведут религия, поэзия, естественные науки, искусство, музыка [2, с. 15]. Принципиально значимым оказывается осуществление философского диалога актуальных идей глобального мира.

Прежде всего, современность остро нуждается в обретении веры в родовые истины, что должно стать новой смысловой конструкцией в актуальной форме.

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10735а «Социально-философский анализ манипулятивных технологий в образовании».

4 Речь следует вести о «продуктивной интерпретации» (Ж.-Л. Марьон) классического философского наследия. Подобная конкретизирующая локализация является одновременно вопросом о новой политической смелости мысли, что связано с поисками справедливости и надежды [1, с. 106]. Реальность, как уже отмечено, предстает как множественность позиций, что предполагает учет эпистемологических и ценностных ориентиров рефлексии современности. Подчеркнув это, еще раз нужно вспомнить мысль И.Канта: «Всякое объективное правило говорит, что должно произойти, хотя бы оно никогда не происходило. Субъективное же правило говорит, что действительно происходит; ибо и у порочных людей есть правила, по которым они действуют [5, с. 39]. Ведь в ценностном плане стремление обрести себя одновременно предстает как отчуждение от *другого*. И хотя ни одно из мест, где философия действует, не обладает монопольным правом на обладание, она всегда будет располагаться в определенных смысложизненных топосах. Следовательно, достоинство и ответственность позиции состоит во внимании к происходящему: «метафизическая чувствительность» (Н.М. Бахтин) только в своем месте и времени обретает право голоса и рефлексиию. «У народа есть предрасположенность к изобретению в ночи некоторых новых форм утра. У нас есть, по крайней мере, проблески возможного зарева радости. ...Философ, естественно, на своей подстилке, пропитанной росой, приоткрывает один глаз. Он подмечает прояснения» [1, с. 29]. Более того, предельной целью философии современности остается перспектива спасения (апокастасиса) в полноте бытия [2, с. 15]. Остро стоит вопрос о создании позитивных стратегий сборки субъекта и субъективности – прежде всего, в пространстве топологической рефлексии.

При этом чрезвычайно важно учитывать далеко не всегда очевидные или смещенные на периферию сознания позиции существования: неучет эпистемологической значимости языка или ситуации социального аутизма рано или поздно выйдут на поверхность индивидуального сознания и коллективной памяти. Сегодня по-разному определяемая *неопределенность* является аттрактирующим фоном актуальной рефлексии и ценностным резервуаром сил, которые могут действовать в сфере рефлексии и экзистенции. Нужно, следовательно, взглянуть на тот далеко не очевидный и не всегда последовательно

отрефлексируемый план познания, что может наполнять энергией стратегии понимания современности.

В актуальной рефлексии неопределенность предстает как инвариантная характеристика мысли, что имеет отношение не только к сфере экзистенциально-ценностных ориентиров существования, но во многом определяет познавательные процессы научного и философского знания. Совсем не так в классической традиции: «Рефлексия есть определенная рефлексия; тем самым сущность есть *определенная сущность*» (Wesenheit) [3, с. 29]. Но и сегодня, конечно, в реальном социальном взаимодействии друг с другом, субъекты тяготеют к вполне определенным и устойчивым основам и топосам существования. Тут важны дескрипция и герменевтика местоположений философии и философов. Философия становится актуальным способом *сборки* субъективности, соединяя в топологическом единстве *вечное* и *временное*. И именно это в противоречивом множестве все-таки способно давать представление о сохранении родовой природы философской мысли.

Это становится возможным именно в силу того, что эпистемологическая неопределенность, соотносимая с иерархией ценностей, понуждает к определению стратегий формирования субъективности в конкретных событийных ситуациях. Таким образом, формирующееся сознание современности при всей множественности его проявлений, складывается во взаимодействии определенности и неопределенности, что ставит вопрос о силах и ценностных смыслах рефлексии и существования.

Если модерн с его принципиальной установкой на будущее как бы пренебрегает настоящим, хотя именно в нем порожден, то (пост)современная ситуация еще более усложнена размещенностью в некоей фантазматической ирреальности, где «реальные» законы права, нравственности и жизненного поведения оказались во многом смещенными. Формируется пассивное поле формирования субъективности – реально она формируется во многом спонтанно и даже непредсказуемо поверх легитимной социальной иерархичности: отсюда, с одной стороны интерес к опыту экстремального поведения и соответствующей идентификации, а с другой стороны – инертность, отчужденность и социальная разобщенность. В такой ситуации призывы к толерантности оказываются во многих случаях совершенно бессильными. Иногда существование субъектов и сообществ продолжается только за счет

инерционно действующих сил традиции и установок менталитета, что направленно ангажированными средствами масс-медиа финансовыми институтами и партиями. Это существенно ограничивает возможности личного осуществления и творческого сознания: *биополитика* все более захватывает «многомерную телесность» (Дитмар Кампер) человеческой жизни, что особенно ощутимо в ситуации глобального *посттравматического синдрома* [11, с. 21–24]. Философское мышление в таком случае особенно нуждается в жизненной энергетике и экзистенциально-личностных идеалах существования.

На таком фоне позиционирует себя не только новое инфантильное сознание, в котором отсутствует ответственная творческая мотивация, но возникают деструктивные силы, расшатывающие или блокирующие социальную устойчивость. И трудно определить стратегии формирования субъективности именно потому, что не поддаются рефлексии силы, производящие субъективность, что особенно нарастает в кризисных – *апокалиптических* – ситуациях. Такие силы постоянно переопределяются – по-разному названы и ангажированы, задействованы с предельной перформативной навязчивостью. В подобном социальном порядке просветительские установки классической рефлексии просто-напросто становятся маломощными. В.В. Розанов, рассматривая апокалиптичность времени говорил в начале XX века об экзистенциальной *немощи* существования [5, с. 82–66], а Жак Деррида в конце века обратил внимание именно на *апокалиптический тон* новейшей французской философии. Нужно, следовательно, выявить и понять *силы*, которые действительно могут быть применены в стратегиях рефлексии, формировании субъективности, политике и социальном поведении субъектов (пост)современности. И хотя каждая рефлексия осуществляется во времени (И. Кант), сама доминанта *временности* в топологии субъективности смещена: «Время существует тем, что оно проходит. Оно есть тем, что оно постоянно не есть» [8, с. 127–128].

Такому *не есть* могут быть уподоблены многие, казалось бы, несомненно наличествующие данности. Ведь и неопределенность обязательно и непосредственно маркирована по месту и времени – по своей позиции в пространстве рефлексии. Но характерна ли неопределенность для рефлексии современности именно как сущностная, а не как случайно привходящая характеристика?

Насколько корректно может быть обозначен топос неопределенности как инвариантной характеристики рефлексии современности?

Необходима бытийно укорененная стратегия понимания неопределенности, что дает возможность совместить эпистемологические и ценностные аспекты рефлексии. Важно отметить, что значимость такого смыслового жеста проявилась уже у истоков роста неопределенности. Венгерская исследовательница Анна Хан, анализируя современность, обращает внимание на причины ее культурного кризиса и намечает пути его философского преодоления. Но исходное положение, казалось бы, способно вызвать только возражение: «... Почему русская философская мысль, вечно жаждущая онтологического всеединства и культурного синтеза, в поисках этого синтеза закономерно двигалась к хаосу и ввергла туда и другие культурные области?» [9, с. 355]. Ответ дан в том, что поиски синтеза характеризовались «романтической направленностью – желаемый синтез предстал как переживаемое иррациональное начало. Именно эпистемологическая (познавательная), а во многом и ценностная стороны знания оказывались смещенными на периферию философской рефлексии.

Противостояла такому взгляду позиция Густава Шпета, развитая далее в трудах по философии культуры Андреем Бельм. Риккертская категория ценности из сферы идеального (символического) пребывания переносится в сферу культурного бытования – ценность и творчество онтологизируются. Творчество предстает как высший род познания, что означает сближение теории познания и теории бытия. Онтологические возможности отечественной метафизической школы, что важно отметить, были усмотрены при этом в учении Эдмунда Гуссерля. И в силу того, что происходит сближение философской истины и бытия, гносеология и онтология взаимно обмениваются признаками: «познавательный процесс приобретает онтологическую природу, а онтология культурного и социального бытия раскрывается логическим путем – через уразумение» (Анна Хан). Этот онтолого-феноменологический ход способствовал преодолению «романтического соблазна» в русской философии, когда эстетическое творчество приобретало институциональный статус – с этим следует согласиться.

Следующий из такого уравнивания ход связан с утопическим социальными и идеологическими проектами.

Иными словами, внимание к онтологии не должно вести к отказу от эпистемологии. Равным образом, рефлексия неопределенности не должна пренебрегать онтологией. Мир сопротивляется замыслу: «какая-то часть нашей телесности остаётся как бы пригвождённой, пришипленной к тому пространственно-временному участку, месту, где, когда и как это произошло» [7, с. 6]. Возникает пороговое – *пограничное* – состояние, «растяжение себя по пространственно-временной плоскости», в котором необходимо собрать себя – ответить на вопрос: «Где, как, из чего собирается Я?». Такой же вопрос возникает не только в экзистенциальном переживании, но актуализирован в объемном контексте современной реальности.

Ответственность, которая рождается внутри философских сообществ, предполагает, прежде всего, необходимость выхода к утверждающему жизнь *событию мысли*. Подобно тому, как культуре происходит поворот от текста к произведению, необходим поворот к ответственному мышлению философских персонажей. Это означает рост интереса к индивидуальности и индивидуации – в соответствие с этим можно рассматривать гетеротопии и гетеротопологии различий существования и рефлексии. Ведь универсальная публичная сфера философии поддерживается сегодня преимущественно только на уровне институций. Но внутри самой философской публичности сформировались разные ориентации: задача ответственной мысли в том, чтоб признать открытость существования и по ряду позиций необходимость установления диалога.

Вполне возможно признание необходимости создания продуктивного диалога точек зрения. Ведь гетеротопия мысли может быть понята как «игра» топосов мегаполиса, где сыгрываются публичное и приватное, центр и окраина, храм и рынок, сакральное и профанное, определенное и неопределенное. Мысль о философии в России предполагает не хронологическое выведение ее из другого топоса, тем более – не приведение России к проекту «философии понятия» или «либеральному проекту», а установление актуальной обращенности к бытию в соотношении с символическим порядком мировой мысли и топосами существования. При этом может быть понята и соответствующая политическая компонента мысли, стремящейся сформировать то или иное дисциплинарное пространство.

Подобно социологическим, ментальным и поведенческим аспектам гетеротопий мо-

гут быть, соответственно, представлены основные концепты и стратегии аргументаций каждой из позиций. Встает, собственно говоря, один вопрос, имеющий две направленности: за счет каких сил формируется субъективность и посредством каких стратегий мысли субъективность может быть представлена? Но если двунаправленность снова обратить к истоку вопроса, то возможно их обоюдозначимое единство: *топос*.

Речь идет, прежде всего, о топологической субъективности. Ведь во многом актуальная субъективность в информационном поле создается «аппаратами» и «общественными машинами» – активно действуют *фигуры субъективности*, затрагивающие *миф воображаемого и виртуальную реальность*. Только в таком случае субъективность приобретает характеристики и качества смещенной модерном «вечности»: мысль и субъективность притянуты к топологически понятому *событию*. Вполне определенные смыслы и ценности только при расположении в топологически ориентированной рефлексии могут представлять не в *узнавании*, а в новом актуальном *видении* – способность к актуализации говорит о действенной силе жизни и мысли «здесь и сейчас» без оправдывающего обращения к прошлому или будущему. Именно для этого нужно показывать игру явленного *символического* с скрытым бытийным, в чем конкретно и поименовано представителем соотношенность *определенного* и *неопределенного*. Своеобразным посредником между отмеченными позициями выступает антропологически наполненная сфера политического, где производится субъективность. Кант, напомним, подчеркивал, что как раз «антропология занимается субъективными практическими правилами, она рассматривает действительное поведение человека [6, с. 39]. Но даже маргинальные и предельно закрытые области *действия* современности – в том числе и в известной степени действия *деструктивные* – поддаются конструктивной прогностике в событийном пространстве рефлексии. Более того, за изменением ключевых понятий необходимо увидеть изменение сознания и форм субъективности. Так было в связи с доминантой концептов *воли, жизни или экзистенции*. В более позднее время генезис и функционирование *структуры* Умберто Эко связывал как раз с концептуализацией *жизненных форм*: «Современная философия населена всевозможными «формами»: от «жизненных форм» (Lebensformen) Шпрангера до «праформ» («Uhrformen) Крика, от «основных форм» (Grundformen) Дильтея до

«сущностных форм» (Wesenformen) Гуссерля и «форм чувствования» (Gefühlsformen) Шелера, каждая из которых предстает как некое структурное упорядочение исторической, онтологической или психологической реальности» [10, с. 260–261]. Так происходит переопределение концептуальной иерархии философской рефлексии.

Как все-таки противостоять «апокалиптическому тону» современности?

Необходим выход за пределы идеологических конструкций и создание единого рефлексивного пространства во множественности его определений. При этом должны быть выявлены и названы соответствующие силы жизненного утверждения в их укорененности в традицию и гуманизм. Во многом это совершить может топологически ориентированная *событийность философской мысли*.

Список литературы:

- [1] Бадью А. Загадочное отношение философии и политики / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – М., 2013. – 112 с.
- [2] Бибихин В. В. История современной философии. (Единство философской мысли). – СПб.: Владимир Даль, 2014. – 396 с.
- [3] Гегель. Наука логики. Т. 2. – М.: Мысль, 2016. – 715 с.
- [4] Грякалов А.А., Преображенская К.В. Феномен неопределенности и опыт космизма в дискурсе образования // Профессиональное образование в современном мире. – 2015, № 2(17). – С. 23–32.
- [5] Грякалов А.А. Понимание и неопределенность (Опыт В.В. Розанова) // Философские исследования. Т. 5. – 2016, № 1/2 (9/10). – С. 80–106.
- [6] Кант И. Лекции по этике. – М.: Республика, 2000. – 431 с.
- [7] Кубанов И. Аффект и индивидуация (Достоевский и А. Белый) // Логос. – 1999, № 2 (19). – С. 5–17.
- [8] Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер. Э. Сагетдинова. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 315 с.
- [9] Хан А.М. Заметки к проблеме культурного кризиса и философского опыта его преодоления в начале XX века // Некалендарный XX век. – М.: Изд. дом «Азбуковник», 2011. – С. 345–359.
- [10] Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. А.Г. Погоняло и В.Г. Резник. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.
- [11] Holger H. Globalization of the Work Society: Proposal for a Re-interpretation of the Work Society as a Post-traumatic Syndrome // TRANS-HUMANITES. – 2009, vol. 1. – P. 21–24.